

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**СМЕРТЬ ПОД
СТАРОЙ ИВОЙ**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова, Г. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Смерть под старой ивой / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-165065-0

В глухой деревне убит заезжий бродяга. Кто и за что лишил его жизни, полиции выяснить не удалось. Дело можно было принять за обычную бытовуху, если бы не подозрение, что в нем замешано уважаемое семейство местного депутата. Выяснить это поручено полковникам МВД Гурову и Крячко. Чтобы вычислить злоумышленника, оперативники разрабатывают хитроумный план: Гуров представляется местному населению сыщиком, а Крячко — столичным бизнесменом, собирающимся купить в этих краях дом. Уловка сработала как раз в тот момент, когда в деревне произошло новое страшное преступление...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165065-0

© Макеев А.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Смерть под старой ивой

ПОВЕСТЬ

1

Деревня Антонова Балка ничем не отличалась от других деревень, затерянных в бескрайней российской глубинке. Деревня как деревня: полторы сотни дворов, чуть больше тысячи постоянно проживающего населения, у которого огороды, сенокосы, скотина и прочие исконные деревенские интересы и заботы. И, конечно же, в Антоновой Балке свои особенные деревенские взаимоотношения и законы. Они неписаные, но соблюдаются добросовестно, старательно, из века в век, и тому имеются веские причины. Если, допустим, ты сегодня не поможешь мне с сенокосом, то завтра я не помогу тебе с огородом. А если, скажем, я сегодня в чем-то тебе совру, то завтра ты перестанешь со мной общаться, потому что не стоит иметь никаких дел со лжецом. Ну а если никто не будет друг другу помогать и все друг другу станут лгать, то в деревне поселится взаимное недоверие. И как тогда выживать в непростой деревенской жизни — без помощи и доверия? Потому-то в Антоновой Балке почти не было краж — ведь разве можно украсть у того, кому ты веришь, а он верит тебе? А уж о прочих изуверствах и злодействах вроде убийств так никто и слыхом не слыхал. Деревня жила по своим законам и судила по своим законам, и эти законы, надо сказать, были разумнее и человечнее, чем Уголовный кодекс.

Конечно, не все в Антоновой Балке подчинялись охотно и по доброй воле таким законам. Обитали здесь и свои собственные, деревенские смутьяны, правонарушители и прочие, так сказать, маргиналы. Но пребывали они где-то на обочине деревенской жизни и никому особо не мешали. А потому исконные жители деревни не обращали на них особого внимания и вообще относились к их существованию философски. Живут, дескать, вот пускай и живут, как хотят, лишь бы другим не мешали жить.

Точно так же, кстати говоря, селяне относились и еще к одной категории деревенских обитателей — дачникам. Живут себе, и бог с ними: у них своя жизнь, а у селян — своя.

Надо сказать, что Антонова Балка располагалась в удивительно красивой местности. Тут тебе и речка с кряжистыми, старыми ивами по берегам, и заливные луга на другом берегу речки, и лесок с грибками и ягодками в нем. А какой воздух, а какая тишина! Благодать земная! А если к тому же учесть, что деревня располагалась неподалеку, всего в двадцати километрах от районного центра, то понятно, что городские богатые люди просто жаждали построить в таком благолепии себе дачу! И — строили. С каждым годом таких дач в Антоновой Балке становилось все больше. Но обитатели дач никак не нарушали устоявшегося размеренного ритма селян и даже приносили им некоторую выгоду. Они покупали у местных жителей молоко, огурцы, помидоры и другую деревенскую продукцию.

И вот в такой-то размеренной и всем понятной жизни случилось страшное происшествие! Убийство! Убили-то, как выяснилось потом, не деревенского, а какого-то постороннего мужичка, которого никто в деревне никогда и не видел. То есть пришлый был мужичок, чужой. Но кому от этого легче, если в Антоновой Балке никто никого не убивал отродясь! Ни своих, ни чужих! А тут нате вам, самое настоящее убийство!

Первой обнаружила убитого деревенская жительница баба Люба. Случилось это ранним утром в четверг. На дворе стоял июль, лето в самом разгаре, и денек обещал быть расчудесным. Баба Люба шла по берегу речки вдоль старых ив и вела на веревочке козу, чтобы выбрать для нее подходящее место для выпаса. И вдруг увидела лежащего под старой ивой мужчину. Причем бабе Любе показалось, что он не деревенский. Деревенских мужиков она могла бы узнать издалека и с полувзгляда, а в этом было что-то чужое.

Вначале баба Люба подумала, что человек спит. Ну а что тут такого? Июль, погода стояла самая что ни есть летняя. Так почему бы мужчине не поспать под ивой? Так подумала вначале баба Люба, но тут же и передумала. Во-первых, было раннее утро, а потому довольно-таки прохладно и росисто: прохлада и роса давно уже разбудили бы человека. А он почему-то не просыпался. И к тому же уж очень в неудобной позе лежал незнакомый человек: нога — подвернута под себя, рука — закинута за голову. Этак скоро онемеет и рука, и нога, а человек даже не шевелился.

Тогда баба Люба подумала, что этот незнакомый мужчина пьян. С пьяных-то что возьмешь? Уж они-то могут лежать как угодно, в самых странных позах. Но мужик-то совсем не шевелился, и казалось, даже не дышал!

— Эй! — несмело позвала баба Люба. — Эй! Подымайся! Ведь прохладно! Застудишься еще!

Но мужчина даже не шевельнулся. Преодолевая страх, баба Люба подошла поближе — и тут же в страхе отпрянула. Она поняла, что человек — мертвый. Да-да! Уж она-то навидалась мертвецов за всю свою долгую жизнь и знала, как отличить мертвого от живого.

Вокруг головы мужчины расплылось темно-бурое пятно. Ясно, что это кровь, а значит, у человека разбита голова. А поскольку сами себе люди разбивают головы редко (да и обо что тут было ее разбить — о старую иву, что ли?), то вывод напрашивался сам собою: незнакомца убили! Убили самым настоящим образом!

Не помня себя от страха, баба Люба вместе с козой на веревочке с невероятной для старухи резвостью помчалась обратно в деревню и вскоре была у дома сельского главы Николая Ивановича, которого застала дома, ибо он в связи с ранним часом не успел еще выйти из хаты и тем более добраться до деревенской конторы — своего рабочего места.

— Ой, убили! — заголосила баба Люба. — Как есть убили... то есть совсем! Там он и лежит... а голова у него — совсем разбитая! Кровищи... Главное, я ему говорю: вставай, а то, не ровен час, простудишься, а он лежит и не шевелится! И кровища вокруг его головы... Ой, убили! Да это что же такое творится!

На заполошные вопли бабы Любы из дома тотчас выскочили сам Николай Иванович, его жена Наталья, двое их малолетних детей и даже кошка.

— Ты это чего? — спросил Николай Иванович у бабы Любы. — Чего, спрашиваю, голосишь? Что случилось?

— Ой, убили! — дала баба Люба исчерпывающий ответ. — Как есть убили... насовсем! Главное — лежит и не шевелится... И вроде как кровища вокруг головы... Густая такая, черная...

— Кого убили? — вытаращился на бабу Любу Николай Иванович. — Где убили? Говори толком!

Но толком баба Люба говорить не могла — уж слишком большое впечатление произвела на нее увиденная картина. Пришлось взяться за дело Наталье, жене Николая Ивановича. Она напои-

ла бабу Любу водой, присела с нею рядом, похлопала по плечу... И только тогда баба Люба обрела способность изъясняться более-менее внятно и поведала Николаю Ивановичу об увиденной ею ужасной картине.

— Да врешь ты все! — не поверил бабе Любе Николай Иванович. — Какое такое убийство? Чтобы у нас в деревне да кто-то кого-то убил?.. Зачем? Не верю... Просто лежит небось под ивой пьяный... А тебе померещилось...

Баба Люба уже пришла в себя настолько, что даже смогла обидеться на Николая Ивановича за такие его слова.

— А ты сходи да посмотри сам! — надулась она. — И тогда поймешь, вру я или нет. Я, милок, навидалась на своем веку всяких — и живых, и покойных. И одного от другого отличить могу. Так вот ты сходи и посмотри — пьяный он или мертвый. На то ты и начальство. А потом будешь просить у меня прощения за твое ко мне недоверие. Ну, иди, чего встал как столб!

— Да где же он лежит конкретно, этот твой покойник? — по-прежнему недоверчиво спросил Николай Иванович.

Баба Люба назвала точные координаты, и сельский глава нехотя поплелся к предполагаемому месту. А баба Люба тем временем побежала по деревне, чтобы сообщить народу сногшибательную новость — у них в деревне покойник, да и не просто покойник, а кем-то убитый. А это значит, что в Антоновой Балке также обретается и самый настоящий убийца. Иначе откуда бы ему взяться, душегубу-то? Не с неба же он свалился и не из-под земли образовался! Стало быть, свой, антоновский. Вот ведь до чего дожили — свои собственные душегубы в деревне объявились! Баба Люба бежала вдоль по улице от двора ко двору, а несчастная голодная коза волочилась вслед за ней на веревке.

...Покойника Николай Иванович обнаружил в точном соответствии с координатами, указанными бабой Любой. Недоверчиво и осторожно Николай Иванович приблизился к лежащему человеку, окликнул его и даже потрогал рукой. И только после этого убедился, что незнакомый мужчина и в самом деле мертв, а значит, баба Люба ничего не выдумала и ни в чем не соврала. И действительно, вокруг головы лежащего мужчины темнело большое расплывшееся пятно. Почти вся трава под старой ивой была покрыта пугающей темно-коричневой жижей. Кроме того, такой же жижей были испачканы и волосы мертвого незнакомца. Несомненно, это загустевшая кровь. Как будто чья-то вражья

рука взяла и ударила незнакомого мужчину по голове каменюкой или чем-то другим, таким же тяжелым.

«Вот так дела... — озадаченно подумал Николай Иванович. — Так что же — и вправду убийство? У нас, в Антоновой Балке — и убийство?.. А главное — за что? И — кто? И — откуда в деревне взялся этот человек... ну, которого убили? Ведь он явно не наш... а уж своих-то я знаю всех наперечет! Может, он приехал из города? Может, и так: сейчас эти городские наезжают к нам ежедневно. Но опять же за что его убили? И, главное дело, кто? Что же, в Антоновой Балке завелся свой собственный убийца? Вот так дела...»

Какое-то время Николай Иванович пребывал в растерянности и даже в прострации, но затем очнулся, взял себя в руки и отправился обратно в деревню — звонить в районную полицию.

В районной полиции поначалу тоже не поверили, что в деревне Антонова Балка случилось убийство.

— Да ну, — с сомнением сказал дежурный. — В вашем селе да убийство? Да у вас там даже домов не запирают по причине отсутствия воров, а вы мне про убийство... Напился, я так думаю, какой-нибудь ваш мужичок, да и прилег под ивой. Ничего: очнется, протрезвеет и будет как новенький!

— Нет, — возразил Николай Иванович. — Не напился и не прилег. В том-то и дело. Я сам видел. Лежит. Мертвый. И вокруг головы кровь. По всей траве и на самой голове тоже.

— Кровь, говоришь,? — озадаченно произнес дежурный. — Ну... В общем, ждите оперативную группу. А пока организуйте охрану места происшествия, чтобы никто посторонний туда не совался...

— Зачем? — не понял Николай Иванович.

— Так полагается, — дал исчерпывающий ответ дежурный и отключил связь.

2

Оперативная группа прибыла в Антонову Балку примерно через два часа. За это время стараниями бабы Любы вокруг покойника собралось почти все женское, мужское, детское и собачье население деревни. Ближе к мертвому мужчине, конечно, не подходили. Во-первых, страшно: одно дело, человек, умерший своей смертью, и совсем другое — кем-то убитый. А во-вторых, близко к покойнику никого не подпускал Николай Иванович, са-

молично взявшийся охранять место происшествия до прибытия полиции.

Потому народ столпился вокруг мертвого мужика на некотором расстоянии и принялся строить версии: кто этот мужик, откуда он взялся в деревне, за что его убили, а главное — кто именно его убил. За два часа версий было придумано столько, что они, пожалуй, не уместились бы в двадцать восемь, а то и тридцать уголовных дел, а чтобы их расследовать и довести до необходимого соответствия, понадобилась бы целая рота сыщиков.

Но по большому счету никакие сыщики народу надобны не были, потому что каждый выстроил свою собственную версию убийства и, кроме того, определился с главным — с убийцей. Конкретное имя убийцы, впрочем, не называлось, но все сводилось к двум предположениям: либо мужика убил кто-то из своих, деревенских, либо кто-нибудь из дачников. А больше и некому.

— Да наш это, антоновский... который убийца! — уверяли одни. — А кто еще-то! Кому здесь взяться другому? Из каких таких краев?

— Как так — из каких краев? — возражали другие. — А дачники? Они — народ пришлый, городской, незнакомый, смутный, а к тому же еще и богатый! Кто может знать, что у них на душе? С них станется! А из наших — кто же? У нас испокон веку не было душегубства! Дерутся изредка — бывает, но не до смерти же! Нет, это точно кто-нибудь из чужих... то есть из дачников!

Конечно, находились горячие и творчески мыслящие головы.

— Э, братцы, не все здесь так просто! — говорили они. — Здесь дело вот в чем. Этот убитый мужик — не сам по себе мужик, а опасный мафиози, но только переодетый в бродяжью одежду. А переоделся он для того, чтобы укрыться в Антоновой Балке от других мафиози, его конкурентов. Да вот только не сумел от них оторваться, они его настигли аккуратно на деревенской околице, ну и того...

— Ну, это ты насмотрелся телевизора! — иронично крутили головами оппоненты. — Это в телевизоре мафиози... А у нас тут — деревня... Какая тут мафия?

— Гав! Гав! Гав! — пытались вмешаться в дискуссию деревенские собаки.

Толкуя и споря, народ топтался, передвигался и суетился и за два часа до такой степени вытоптал все окрестности вокруг места происшествия, что прибывшая наконец оперативная группа толь-

ко руками всплеснула, увидев такое безобразие. В самом деле, какой уж тут осмотр места происшествия? Где оно, это самое место? Все затоптано, помято, перевернуто, можно сказать, вверх дном.

— Почему здесь столько людей? — раздраженно спросила женщина в форме. А что это была за форма — полицейская или, может, прокурорская — да кто ж его разберет? Да и какая разница? Следователь, и все тут. — Есть здесь кто-нибудь главный?

— Я, — отозвался Николай Иванович. — Я здесь главный.

— Почему столько людей? — повторила свой вопрос строгая следовательница. — Просили же — охранять место происшествия до прибытия оперативной группы.

— Я и охраняю, — сказал Николай Иванович.

— А люди? — не поняла следовательница.

— А они — сами по себе, — исчерпывающе пояснил Николай Иванович. — Смотрят. Обсуждают.

— Уберите с места происшествия посторонних, — сказала следовательница, обращаясь к местному участковому. Он прибыл вместе с опергруппой. — Работать же надо! — пояснила она почему-то жалобным тоном.

— Разойдитесь, — не очень уверенно обратился участковый к народу. — Идите по домам. Делать вам больше нечего, что ли? Спектакль вам здесь или как? Разойдитесь! Ну что за народ...

Конечно, никто и не подумал разойтись. Во-первых, было хоть и страшновато, но интересно. Не каждый же день в Антоновой Балке случаются убийства: можно сказать, это первый подобный криминальный случай в деревенской истории. А во-вторых, не тем человеком был участковый, чтобы ему сразу же и безоговорочно подчиниться. Не было у него настоящего авторитета, вот что. Участкового звали Василий Курятников, и был он молод. А у молодого какой же авторитет? Авторитет приходит с годами, его надо заслужить. Само собою, что участковый Василий Курятников знал мнение народа о себе самом, а потому не стал дважды повторять свою неуверенную просьбу разойтись, а лишь безнадежно махнул рукой. Отодвинулся народ на три или четыре шага, и на том спасибо.

Ладно. Приступили к следственным действиям в присутствии народа. Первым делом, конечно, осмотрели покойника. Серьезный дядька в белом халате склонился над убитым, осторожно ощупал его голову, что-то поднял с земли и осторожно сложил в полиэтиленовый мешочек. Другой серьезный дядя бегал вокруг

с фотоаппаратом и безостановочно фотографировал покойника с разных сторон. Следовательница что-то писала в блокноте, а участковый и еще один парень в штатском о чем-то переговаривались между собой. Народ, конечно, наострил уши, но все произнесенные опергруппой слова слышать не мог, а слышал лишь обрывки разговоров.

— Чужой... не наш... — говорил участковый парню в штатском. — Своих-то я знаю...

— Черепно-мозговая травма... — сказал дядька в белом халате следовательнице. — Наверно, это и есть причина... Совсем недавно... часов, наверно, десять или двенадцать назад... Судя по окоченению... Вскрытие покажет... созвонимся... Знать бы еще, чем его так?

— Орудие преступления... — сказала следовательница парню в штатском и участковому одновременно. — Надо найти...

— Будем искать... — пообещал парень в штатском.

Затем он и участковый склонились над убитым и принялись шарить по его карманам. Народ, вдобавок к ушам, наострил глаза. Но ничего интересного не увидел и, испытывая разочарование, выдохнул.

— Паспорт... — сказал парень в штатском. — Больше ничего... ни денег, ни телефона... Возраст... сорок шесть лет... Прописка... Нездешний. Из какого-то Прокопьевска... Да... Издалека... Кажется, где-то в Сибири.

— Ага! — понимающе зашелестел народ. — Нездешний! Из Сибири! Известное дело! Нашего-то кто убьет?

Подъехала «Скорая помощь». Из нее вышли два угрюмых санитаров с носилками, выслушали какие-то слова от дядьки в халате, погрузили покойника вместе с носилками в машину, сели туда же сами, вместе с ними сел и дядька в халате, и «Скорая помощь», подпрыгивая на ухабах, отбыла.

— Я тоже... — донеслись до народа слова следовательницы: эти слова, судя по всему, она говорила участковому и парню в штатском. — Орудие преступления... свидетели... подозреваемые... надо искать. А пока мне и допрашивать-то толком некого. Ищите...

Затем она и дядька с фотоаппаратом тоже сели в машину и уехали. А участковый и парень в штатском остались.

Кряхтя, кашляя и судача, народ стал нехотя расходиться. И вскоре на месте преступления не осталось никого — даже деревенских собак.

Участковый Василий Курятников и парень в штатском (это был оперуполномоченный районного отделения полиции, а звали его Семеном Лежаковым) сидели на куче сваленных у чьего-то забора бревен и обсуждали план действий. Надо было искать орудие преступления, находить и опрашивать свидетелей, через них устанавливать подозреваемых, фильтровать этих подозреваемых через гипотетическое сито, надеясь, что в конце концов в том сите останется он, убийца. Ну, или убийцы, если их несколько.

С орудием преступления все было более-менее ясно. Что бы это ни было — камень, обух, еще какая-нибудь железяка, — скорее всего убийца выбросил этот предмет в реку. Река-то рядом! Не нырять же оперу и участковому в реку за тем камнем! Да и чем докажешь, что найденный камень именно тот самый, которым совершено убийство? Нет уж, будем искать убийцу. А вот если мы его найдем и он сознается в преступлении, то одновременно с признанием он назовет и орудие убийства. И скажет, куда он его подевал. Тогда и будем искать. А пока займемся поиском свидетелей. Без свидетелей — как найти убийцу?

А важных свидетелей пока что не было ни одного. Баба Люба и сельский глава, которых сыщик с участковым уже успели допросить, они косвенные свидетели. Баба Люба всего лишь первой увидела убитого, Николай Иванович его, как мог, стерег до прибытия оперативной группы. Так что их допрос — формальность, которую необходимо соблюсти. Их и допросили, потому что так было положено.

— Значит, так, — сказал оперуполномоченный. — Будем делать подворный обход. Верное средство узнать что-то существенное! Обязательно кто-то найдется, кто что-нибудь видел или слышал или о чем-то важном догадывается. А коль найдется, то и расскажет. А там будет видно.

— Ну да, — с сомнением произнес участковый. — Расскажут они, как же... Будут молчать, как партизаны на допросе.

— А что такое? — прищурился сыщик. — Нет психологического контакта с местным населением?

— А! — махнул рукой Василий Курятников и поднялся с бревен. — Пошли, что ли. Куда прикажешь идти?

— А иди ты знаешь куда? — задумчиво произнес оперуполномоченный. — Вдоль по улице. Заходи в каждый дом, задавай во-